

ПРОТИВОРЕЧИЯ СУДЕБНО-УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
25 января 2021 г.
Дата принятия в печать –
10 декабря 2021 г.
Дата онлайн-размещения –
20 марта 2022 г.

Ключевые слова

Уголовная политика, судебная политика, правоприменение, противоречия уголовной политики, разрешение противоречий уголовной политики

Рассматриваются противоречия судебного уровня реализации уголовной политики, которые складываются в сфере функционирования международных и национальных судов различных уровней при толковании, оценке и применении правовых норм. Предлагается классификация этих противоречий на основе уровня, вида судопроизводства и источника возникновения, которая помогает лучше понять механизм функционирования судебной системы, роль судов в обеспечении верховенства права. Принимая во внимание диалектическую природу противоречий, доказываем, что механизм их преодоления должен включать в себя как организационные решения в части разграничения компетенции судов, так и идейно-нормативные решения, обеспечивающие компромисс судебных позиций ради достижения общей цели соблюдения прав человека при разрешении уголовно-правового конфликта.

CONTRADICTIONS OF JUDICIAL CRIMINAL POLICY

Yury E. Pudovochkin, Mikhail M. Babayev

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

Article info

Received –
2021 January 25
Accepted –
2021 December 10
Available online –
2022 March 20

Keywords

Criminal policy, judicial policy, law enforcement, contradictions of criminal policy, resolution of contradictions of criminal policy

The subject of the study is the criminal policy in the context of contradictions in the functioning of the courts.

The purpose of the study is to investigate, which contradictions of criminal policy are generated by a multi-level system of courts, and which mechanisms for overcoming them in order to optimize criminal policy could be found out.

The methodology. In modern conditions of diversification of methodological approaches to organizing and conducting political-legal research, it is important not to discard, but to rethink and rediscover the epistemological possibilities of the methods of classical science, especially the method of dialectical analysis.

The main results and scope of the study. The use of the category "dialectical contradiction" for the purpose of studying the problems of the functioning of the courts in terms of the interpretation and application of criminal law provisions opens up new possibilities in the study of criminal and judicial policy, as well as determining the prospects for its development. In the study, the law enforcement contradictions of criminal policy refer to the relations between courts of various types and levels that develop in the course of their functioning and reflect the opposite approaches of law enforcement bodies to the interpretation and application of criminal legislation. Considering the level and type of legal proceedings, these contradictions can be summarized in the following groups: (a) between national and international courts; (b) between superior courts of the national legal system; (c) between the courts of various instances of the system of courts of general jurisdiction.

The contradictions between national and international courts, emerging in the field of protection of human rights and freedoms, are an objective source of development of judicial practice and policy. The resolution of these contradictions is based on the consensus of various courts and compromise. If the position of the European Court of Human Rights does not contradict the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the state adjusts its legal practice in the direction set by the authoritative international instance by means of: (a) direct application of national legislation with due regard for the ECHR's legal positions; (b) the application of national legislation in its constitutional interpretation by the

Constitutional Court of the Russian Federation, which does not differ from the decisions and positions of the ECHR; (c) amending national legal acts in pursuance of ECHR judgments. In exceptional cases, when the position of the European Court touches upon issues of the country's constitutional identity, the contradiction between the international and national legal order is resolved by the Constitutional Court of the Russian Federation on the basis of the priority of constitutional norms.

At the level of the superior national courts the contradictions are represented by the differing positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on the assessment and interpretation of criminal law provisions. Such contradictions can be thought of as latent until they are not revealed in constitutional proceedings. The identification and resolution of these contradictions is the most important direction of legal policy in the country; it reflects the consistent solution of the aim of constitutionalization of the criminal law.

At the level of the system of courts of general jurisdiction, the concept of "contradiction" can only be applied to those differing approaches of the courts to solving criminal cases that do not go beyond the rule of law. Contradictions arise only when, having correctly established the factual circumstances of the case, the courts disagree in the choice of the legal provision to be applied, although any such choice can be explained and motivated. These contradictions may or may not be related to the quality of criminal legislation. Therefore, the mechanism for their resolution includes not only law revision. It is important to use the capabilities of the judicial system itself to develop a consensual understanding of the textual content of the criminal law and the rules for its application.

Conclusions. Overcoming the contradictions of the judicial criminal policy is possible only in the process of communication and dialogue between the courts of different levels on the basis of differentiation of jurisdiction, respect for authority and independence.

1. Введение. Постановка проблемы

Согласно утверждениям диалектической теории познания мира, в основе возникновения, существования и развития любых явлений лежат определенные противоречия. Судебно-уголовная политика не является в данном случае исключением. Противоречия уголовной политики есть объективный факт, данность, исследование которой должно рассматриваться в качестве одного из обязательных направлений уголовно-политологического дискурса. Однако при всей очевидности этой задачи, приходится констатировать, что ее решению в науке уделяется крайне недостаточное внимание. Сам предмет познания – «противоречия уголовной политики» – представлен в литературных источниках фрагментарно и бессистемно, что отчасти может объясняться общим состоянием уголовной политологии [1; 2], расстановкой приоритетов и актуальных направлений научных исследований, непреходящей сложностью и неочевидностью самих противоречий в качестве объекта приложения интеллектуальных усилий. Это объяснение, однако, не может служить оправданием текущего состояния дел в сфере познания противоречий уголовной политики. Напротив, оно призвано стимулировать научный поиск в заданном направлении и активизировать научную мысль.

2. Понятие и виды противоречий правоприменительного уровня уголовной политики

Имманентная черта правоприменительного уровня реализации уголовной политики состоит в том, что он выражается в практической деятельности широкого круга субъектов: следственно-прокурорских органов, органов адвокатуры, судов, органов исполнения наказаний [3]. Между тем не все отношения между этими субъектами можно рассматривать с точки зрения учения о противоречиях. В частности, отношения между следствием и прокуратурой, между следствием и адвокатурой, между этими субъектами и судом на уровне правоприменительного процесса не укладываются в классические представления о диалектических противоречиях. Различные представления сторон обвинения и защиты, а также суда о содержании, целях, направлениях и т. д. уголовной политики, безусловно, имеют значение, но в качестве противоречий характеризуют источник формирования уголовной политики на уровне разработки ее идей и нормативной основы. Здесь они отражают различные подходы субъектов уголовной политики к пониманию самой этой политики, их различающиеся интересы [4]. В ситуации же, когда нормы разработаны и приняты, в правоприменительной практике различия между субъек-

ектами, определяемые их функциональным предназначением, отражают лишь механику правоприменительного процесса, но не отражают сути уголовной политики, не составляют источника ее развития.

Другое дело – противоречия, которые в процессе применения норм права складываются между субъектами одной функциональной группы, в частности между судами. Здесь возникает непростая конфигурация отношений между международными и национальными судебными инстанциями, между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, между Верховным Судом РФ и нижестоящими судами, между судами одного уровня различных регионов (до недавнего времени к этому следовало бы добавить отношения между Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ). Эти отношения проявляют себя не только и даже не столько применительно к конкретному уголовному делу. Они определяют содержание, состояние, перспективы и общую оценку правоприменения в сфере реализации уголовно-правовых норм, служат важным внутренним источником развития уголовной политики, что дает основание рассматривать отношения между судами различного вида с точки зрения концепции противоречий.

Отношения между судами различного вида и различного уровня, которые складываются в процессе их функционирования и отражают противоположные подходы правоприменительных инстанций к вопросам толкования и применения уголовного законодательства, именуются нами противоречиями судебно-уголовной политики. Эти противоречия можно свести в следующие группы: а) между национальными и международными судебными инстанциями; б) между высшими судами национальной системы права; в) между судами различных инстанций системы судов общей юрисдикции.

3. Противоречия между национальными и международными судебными инстанциями

Рассматривая взаимоотношения международных и национальных судов с точки зрения теории противоречий, полагаем необходимым сделать несколько важных оговорок. Во-первых, наш анализ будет ограничен лишь отношениями российских судов с Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), учитывая, что Россия отозвала свою подпись под Римским статутом Международного уголовного суда, а иные международные судебные инстанции обладают либо компетенцией, не связанной с разрешением собственно уголовно-правовых конфликтов (Орган по разрешению споров ВТО, Между-

народный суд ООН), либо компетенцией, не связанной с Россией (международные трибуналы *ad hoc*, Межамериканский суд по правам человека). Во-вторых, анализ должен быть, по возможности, дифференцированным, в зависимости от того, идет ли речь о взаимоотношениях ЕСПЧ с Конституционным Судом РФ либо с Верховным Судом РФ, принимая во внимание специфику компетенции как Страсбургского суда, так и самих национальных судов.

Такое ограничение отчетливо выявляет предмет возможных противоречий между международной судебной инстанцией и национальными судами. Он состоит в толковании и оценке положений Европейской конвенции о правах человека, поскольку, с одной стороны, национальные суды обязаны следовать ей и применять в своей практике, т. е. имеют возможность самостоятельно толковать текст конвенции и выявлять ее смысл применительно к конкретным правоприменительным ситуациям, а с другой стороны, единственным органом, уполномоченным на официальное и, что особенно важно, на эволютивное толкование положений конвенции, выступает ЕСПЧ.

При таком подходе взаимоотношения между международным и национальным судами не могут складываться линейно. Специалисты выделяют три возможных типа таких отношений: 1) «зеркальный» подход, когда национальные суды действуют так, как если бы они были связаны страсбургской юриспруденцией (он применяется, как правило, там, где существует четкое, устоявшееся страсбургское прецедентное право или когда национальные суды считают, что существует или должен существовать консенсус или единообразие в толковании положений европейской конвенции); 2) «динамический» подход, когда национальные суды дают более широкое и прогрессивное толкование конвенции (он применяется в рамках свободы усмотрения национальных судов там, где нет устоявшейся страсбургской практики); 3) «муниципальный» подход, когда национальные суды в основном отказываются следовать прецедентам ЕСПЧ в том или ином конкретном случае, стремясь вместо этого разработать внутреннее толкование конвенционных прав [5].

Очевидно, что ни один из этих подходов не определяет доминирующего типа отношений национальных судов с ЕСПЧ. В реальной жизни они сосуществуют и выступают не в качестве тенденций развития отношений, а в качестве возможного типа реакции на расхождения в правовых позициях, причем определяемого не политическими или конъюнктур-

ными обстоятельствами, а исключительно различиями в методологических, исторических, культурных и иных подходах к толкованию, пониманию и применению Европейской конвенции о правах человека.

В целом, надо признать, что отношения ЕСПЧ и судов национальных государств развиваются в духе гармонии и сотрудничества, а возникающие здесь различия в оценках соблюдения гуманитарных стандартов в процессе правового регулирования и правоприменения всегда являются основанием для аргументированной и уважительной дискуссии, поиска компромиссов. Во многих случаях сложности в толковании гуманитарных стандартов правового регулирования касаются непосредственно уголовного права, уголовно-правовых отношений и уголовной политики. Наиболее типичными в этой области являются проблемы, связанные с установлением пределов действия уголовного закона, толкованием понятия «уголовное наказание», определением сферы применения гарантий прав человека при «уголовном обвинении», порядка использования доказательств по уголовному делу, соблюдения прав осужденных и некоторые другие.

За каждым соответствующим решением ЕСПЧ кроется различие в подходах национальных судов и международной инстанции к проблеме применения законодательства, отражающего уголовно-политические и уголовно-правовые решения государства. Это различие, отражая противоположные взгляды судебных инстанций на существо проблемы, по сути, всегда означает наличие между ними противоречий. Другое дело, что до момента разбирательства дела в ЕСПЧ это противоречие не является явным, оно развивается и протекает латентно. Обращение же человека в ЕСПЧ «выводит его из тени», делает достоянием общественности.

При этом, однако, не стоит думать, что латентное противоречие в любом случае является полностью неизвестным специалистам. Пленум Верховного Суда РФ¹ признал, что судебная практика в России должна складываться «с учетом» мнения ЕСПЧ по тем или иным проблемам, даже если это «мнение» формально не является обязательным для России. Это означает, что потенциальные конфликты в толковании закона между ЕСПЧ и национальными

судами, которые предвидятся Верховным Судом РФ, должны стать предметом постоянного мониторинга судов общей юрисдикции. Высшая судебная инстанция не только указывает на необходимость выявлять эти конфликты, но и предлагает разумный способ их профилактики: «учитывать» в правоприменительной деятельности страсбургское толкование уголовно-правовых и иных правовых норм в ситуациях, которые аналогичны тем, что уже были предметом оценки ЕСПЧ.

Здесь стоит обратить внимание на два момента; во-первых, на само слово «учитывать», а во-вторых, на предмет этого учета – весь массив практики ЕСПЧ. Такой подход к организации взаимодействия национальных и международных судов имеет особое содержание и не является специфическим именно для России. Британские специалисты, к примеру, также указывают: суды Великобритании должны «принимать во внимание» любое решение ЕСПЧ в той мере, в какой это необходимо, и учитывать всю судебную практику суда, а не только те дела, которые возбуждены против Соединенного Королевства. При этом они особо оговаривают, что «принимать во внимание» – это не то же самое, что «следовать», «осуществлять» или «быть связанным». Прецедентное право ЕСПЧ не является строго обязательным, хотя суды и должны при отсутствии некоторых особых обстоятельств следовать четкой и постоянной практике Страсбургского суда².

Такое амбивалентное отношение к практике ЕСПЧ, предполагающее учет его позиций, но допускающее вместе с тем и расхождение с ними, неизбежно таит в себе риски возникновения и сохранения противоречий между национальными и международной судебными инстанциями.

Когда и если конфликт национальных судов и ЕСПЧ возникает и становится предметом специального разбирательства, то в значительной части случаев государства разделяют правоту подходов ЕСПЧ, признают собственную ошибку в толковании национальных правовых актов или даже в определении их содержания и, следуя логике постановления международной судебной инстанции, либо вносят коррективы в тексты действующих нормативных актов, либо меняют устоявшиеся подходы к их интерпрета-

¹ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8).

² Irvine of Lairg, Lord. A British Interpretation of Convention Rights: A lecture delivered under the auspices of the Bingham Centre hosted by UCL's Judicial Institute at 6pm on Wednesday, 14 December 2011. URL: https://www.biicl.org/files/5786_lord_irvine_convention_rights.pdf. См. также: [6, p. 116].

ции. Гуманитарно-правовой конфликт между человеком и государством, таким образом, оказывается исчерпанным, основы для его потенциального повторения – исключенными, а отношения международного и внутригосударственных судов – гармонично согласованными.

«Победу» международной инстанции в конфликте ЕСПЧ и национальных судов нельзя воспринимать как «поражение» последних. Сами эти термины – «победа» и «поражение» – в данном случае неприемлемы, поскольку в выигрыше от разрешения конфликта оказываются обе стороны. В конце концов, дело, которое рассматривается в ЕСПЧ, – это не спор между национальным и международным судом, это спор между государством и гражданином, арбитром в котором выступает международный судебный орган. И разрешение этого спора, хотя и выявляет различные позиции национальных и международного судов, основано на комплементарной юрисдикции ЕСПЧ, который призван не «наказать» государство, а вместе с государством выработать оптимальный подход к толкованию законов и защите прав человека.

Рассматривая этот аспект взаимоотношений ЕСПЧ и национальных судов в аспекте уголовной политики, надо отметить одно важное обстоятельство. По общему правилу, ЕСПЧ не задается целью дать оценку положениям национальных уголовных и иных законов. Он оценивает лишь то, как применение этих законов сопрягается с гарантиями прав человека, установленными Европейской конвенцией 1950 г. В этой связи мыслимы и реально существуют ситуации, когда нарушение прав человека ЕСПЧ усматривает в фактах применения вполне легитимного законодательства. Здесь возникают проблемы не с качеством самих законов, подлежащих применению, а с качеством правоприменительной практики, которая, в силу решений ЕСПЧ, должна быть скорректирована в целях наиболее полного обеспечения прав человека.

Однако в некоторых, достаточно редких случаях несовпадение подходов ЕСПЧ и национальных судов к вопросам соблюдения прав человека базируется на негативной оценке положений национальных нормативных актов со стороны международной организации. Здесь проблема оценки содержания и толкования норм права перерастает в истинный конфликт, когда национальные суды отказываются воспринимать, принимать и исполнять решения ЕСПЧ, содержащие негативную оценку нормативных правовых актов, которые для национальных судов выступают непререкаемой основой правоприменения.

Возникновение противоречивых подходов неизбежно и вполне предсказуемо, особенно в ситуации, когда единый стандарт прав человека устанавливается для государств, имеющих различия, порой существенные, в уровне экономического развития, в истории становления и закрепления демократических институтов, в духовных ценностях, правовой инфраструктуре и традициях и т. д. Однако проблема состоит в том, что когда эти противоречия касаются оценки содержания нормативных правовых актов, возникает конфликт юрисдикций и полномочий, с одной стороны, ЕСПЧ, а с другой стороны, высших национальных судов, и прежде всего конституционного суда, в деле оценки легитимности национальных нормативных правовых актов.

Когда конфликт международного и национальных судов проистекает из оценки практики применения национальных правовых норм, которые, в свою очередь, Конституционным Судом РФ признаны соответствующими Конституции страны, он разрешается относительно понятно – путем корректировки самой практики (как в процессе пересмотра уже состоявшихся судебных решений в порядке надзора, так и «на перспективу» в отношении всех иных решений). В данном случае нет возможности в Конституционном Суде РФ оспорить саму эту практику. Конституционный Суд РФ, исходя из законодательства, определяющего его компетенцию, оценивает не факт применения закона в конкретной ситуации (как это делает ЕСПЧ), а сам закон, подлежащий применению.

Но когда конфликт связан с оценкой законов, подлежащих применению, проблема многократно усложняется, приобретает политический оттенок и обсуждается уже не только в категориях защиты прав человека, но и в категориях вмешательства во внутренние дела государства.

Когда ЕСПЧ приходит к выводу, что нарушение прав человека в той или иной ситуации связано с содержанием национального законодательства, не совместимого с нормами и принципами Европейской конвенции, и предписывает принять меры «общего характера» для исправления ситуации, всегда возникает необходимость на национальном уровне рассмотреть вопрос об изменении действующего законодательства. В этом случае ситуация может развиваться в трех направлениях:

1. Государство может признать правоту международной инстанции и провести законодательную реформу во исполнение решения ЕСПЧ. Один из примеров такой ситуации – отражение в проекте нового Кодекса РФ об административных правонарушениях

шениях вопросов состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях, а также установление возможности предоставления бесплатной юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в целях реализации Постановления ЕСПЧ от 19 ноября 2015 г. по делу «Михайлова против России»; создание механизма, обеспечивающего достаточные гарантии беспристрастности судов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, путем включения стороны обвинения (представителя прокуратуры или других государственных органов) в процессы с устными слушаниями в целях реализации Постановления ЕСПЧ от 20 сентября 2016 г. по делу «Карелин против России»³.

2. Государство может пересмотреть и скорректировать свою позицию относительно оценки тех или иных законоположений, используя при этом механизм конституционного судопроизводства. Так, Конституционный Суд РФ в своей первоначальной практике не нашел оснований для конституционной дисквалификации положений Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) РФ, запрещающего предоставление осужденным к пожизненному лишению свободы долгосрочных свиданий с близкими родственниками в течение первых десяти лет отбывания наказания⁴. Однако в свете позиции ЕСПЧ, выраженной в Постановлении от 30 июня 2015 г. по делу «Хорошенко против России», пересмотрел свою позицию и, согласившись с тем, что толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСПЧ содержит повышенные гарантии прав определенной категории граждан, не пося-

гая при этом на иные охраняемые Конституцией РФ ценности, вынес иное решение, признав соответствующие нормы УИК РФ неконституционными⁵.

3. Государство может упредить возникновение конфликта, когда посредством конституционного толкования выявляется такой конституционно-правовой смысл тех или иных предписаний законодательных актов, который не будет расходиться с уже озвученным по иным делам мнением ЕСПЧ, станет обязательным для всех правоприменителей внутри страны и не потребует корректировки законов парламентом. Такая ситуация имела место, когда Конституционный Суд РФ признал правовые нормы соответствующими Конституции РФ, в том числе со ссылкой на Постановление ЕСПЧ от 23 марта 2016 г. по делу «Блохин (*Blokhin*) против Российской Федерации» (жалоба № 47152/06), и распространил правила о возмещении вреда, причиненного незаконным судебным решением, на случаи неправомерного помещения несовершеннолетних в центр временного содержания⁶.

Однако в исключительно редких ситуациях, когда нормы национального законодательства признаются Конституционным Судом РФ соответствующими Конституции РФ, когда текущая судебная практика правоприменения развивается в соответствии с выявленным Конституционным Судом РФ конституционно-правовым смыслом этих норм, позиция ЕСПЧ, утверждающая о несоответствии национальных норм и практики их применения положениям Европейской конвенции 1950 г., порождает болезненно острое противостояние международного и национальных судов и в целом международного и национального правопорядка. Показательной иллю-

³ Доклад Министерства Юстиции Российской Федерации «Мониторинг выполнения постановлений Европейского Суда по правам человека 2018 год». URL: <http://european-court-help.ru/ispolnenie-reshenii-evropeiskogo-sud/> (дата обращения: 09.10.2020).

⁴ См. определения Конституционного Суда РФ от 24 мая 2005 г. № 257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» и от 9 июня 2005 г. № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

Здесь и далее тексты решений Конституционного Суда РФ приводятся из базы решений, размещенной на сайте суда в сети «Интернет», см.: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2019 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" в связи с жалобой гражданки А.».

страцией такой ситуации является известное Постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04 и 15162/05), в котором международный суд пришел к выводу о том, что не только положения уголовно-исполнительного законодательства России, но и установленное ч. 3 ст. 32 Конституции РФ ограничение избирательных прав граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, нарушает гарантированное ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод субъективное право на участие в выборах.

В подобных ситуациях конфликт в вопросах толкования прав человека и надлежащих мер их защиты перерастает в спор о приоритете международных правовых актов и решений международных судебных инстанций перед национальными правовыми решениями [7–10]. Только относительно недавно методика разрешения этого спора была определена Конституционным Судом РФ⁷ и закреплена в гл. XIII.1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁸.

Возможные противоречия между национальными и международными судами в вопросах толкования и оценки положений внутригосударственных нормативных актов должны разрешаться с позиций соответствия этих актов Конституции России. Как отметил В.Д. Зорькин, «конституционный текст в любом случае сохраняет свое высшее методологическое значение при интерпретации нормативных положений, затрагивающих или ограничивающих права человека, но вместе с тем сохраняется возможность для конструктивного диалога национальных высших судов и наднациональных юрисдикционных органов, так как очевидно, что прямого столкновения текста конституции или основного закона и текста обязательного для конкретного государства международного соглашения быть не может». Он же признал, что отказ от исполнения постановлений

ЕСПЧ возможен только в исключительных случаях, в качестве последнего средства, которое предусмотрено Основным законом, как своего рода его самозащита от наднационального толкования конвенционных норм, расходящегося с конституционными положениями⁹.

Такой подход обусловлен общим пониманием двум важным обстоятельств. Во-первых, ЕСПЧ не является «финальным арбитром» в оценке положений национального права и национальной правоприменительной практики, и, во-вторых, общеевропейское право не обладает безусловным приоритетом (приматом) над правом каждого отдельного национального государства. Хотя это понимание и оспаривается некоторыми специалистами [11–13], всё же вполне авторитетной теорией, объясняющей такие взаимоотношения европейского и национальных судов, выступает, по-видимому, теория «конституционного плюрализма» [14; 15], предполагающая, что «возможные коллизии между национальным законодательством и европейской юрисдикцией должны быть разрешены путем обращения к принципу искреннего сотрудничества, основанного на взаимном уважении» (цит. по: [16, р. 1403–1404]), и предлагающая в качестве механизма разрешения этих коллизий «автокоррекцию», необходимую для правильного и сбалансированного функционирования плюралистической системы, предотвращения всплесков конфликтов между всеми конституционными юрисдикциями, вовлеченными в судебную архитектуру Совета Европы, на основе осознания всеми субъектами преимуществ плюралистической установки в управлении конфликтами и контроле над ними [16, р. 1416].

4. Противоречия между высшими судами национальной системы права

Наличие нескольких высших судов в рамках национальной судебной системы, даже при условии нормативного разграничения сфер их компетенции,

⁷ Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административ-

ного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

⁸ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 9 ноября 2020 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁹ Зорькин В. Д. Национальные и межгосударственные суды: проблемы взаимодействия. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Documents/2019Report.pdf> (дата обращения: 05.10.2020).

не может не создавать условий для различающихся подходов к решению тех или иных правоприменительных ситуаций. Неслучайно решение об упразднении Высшего Арбитражного Суда РФ, исходя из официальных намерений законодателя, было продиктовано необходимостью «обеспечить единство подходов при отправлении правосудия как в отношении граждан, так и в отношении юридических лиц, исключить возможность отказа в судебной защите в случае спора о подведомственности дела, установить общие правила организации судопроизводства, добиться единообразия в судебной практике»¹⁰.

В сфере реализации уголовной политики взаимоотношения высших судов должны анализироваться дифференцированно: отношений Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ, с одной стороны, и отношений Верховного и Конституционного судов РФ, – с другой.

Сразу нужно оговорить, что упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ и передача его функций Верховному Суду РФ на институциональном уровне ликвидировали основу для противостояния самих этих судов и перевели возможные противоречия, вытекающие из арбитражного и уголовного судопроизводства, в разряд внутренних противоречий судебной практики единого органа. Кроме того, надо четко сознавать, что в сфере регулирования собственно уголовно-правовых отношений противостояния как такового между арбитражной и «общей» практикой не было и не могло быть в виду принципиальных различий в функциональном предназначении соответствующих судов. Тем не менее сложности в функционировании арбитражных судов и судов, рассматривающих уголовные дела, и были, и сохраняются в той области правового регулирования, которая связана с оценкой неправомерного поведения субъектов в экономической сфере, потенциальной возможностью юридической квалификации одних и тех же обстоятельств дела в качестве экономического спора и в качестве экономического пре-

ступления, установлением преюдициального значения решения по арбитражному спору для рассмотрения уголовного дела и, напротив, решения по уголовному делу для разрешения арбитражного спора.

Не углубляясь в эту весьма специфическую и крайне сложную область, сознавая, что ей посвящен целый ряд специальных исследований [17–20], можем только констатировать в контексте нашей темы, что существующие противоречия были подняты на уровень конституционного осмысления, а механизм их преодоления конкретизирован Конституционным Судом РФ¹¹.

Не менее сложной в теоретическом и прикладном отношении и предметно более приближенной к проблематике уголовной политики является проблема взаимоотношений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. С учетом специфики компетенции этих органов, противоречие между ними может мыслиться лишь в вопросе толкования положений уголовного законодательства.

Суд общей юрисдикции принимает свои решения в соответствии как с общеобязательным конституционно-правовым смыслом уголовно-правовых норм¹², так и теми разъяснениями, которые дает Верховный Суд РФ¹³. Однако ситуация осложняется тем обстоятельством, что, применяя уголовный закон, суды общей юрисдикции далеко не всегда имеют в распоряжении документ, официально отражающий его истинный конституционно-правовой смысл, но при этом не вправе применять закон, который, по их мнению, является неконституционным.

Действующее законодательство предусматривает в целом надежный механизм разрешения проблемы. Усомнившись в конституционности того или иного положения уголовного закона, в том числе по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, суд общей юрисдикции обязан приостановить производство по делу и направить соответствующий запрос в Конституционный Суд РФ для разрешения своих сомнений.

¹⁰ Обоснование необходимости принятия поправки к Конституции Российской Федерации о Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/352924-6> (дата обращения: 10.10.2020).

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23 июля 2020 г. № 1898-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карамзина Кантемира Феликсовича на нарушение его конституционных прав статьями 90 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации».

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2013 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука».

Если же таких сомнений у суда не возникает, он руководствуется презумпцией конституционности Уголовного кодекса (далее – УК) РФ и теми разъяснениями, которые дает Верховный Суд РФ. Результаты такого правоприменения, тем не менее, могут быть оспорены в Конституционный Суд РФ заинтересованными гражданами.

Современная практика знает множество примеров, когда выявленный Конституционным Судом РФ конституционный смысл предписаний уголовного закона существенно расходился с тем толкованием закона, которое было распространено в судах общей юрисдикции и на основании которого суды выносили свои правоприменительные решения. Вспомним дела о порядке определения стоимости предмета контрабанды для целей применения ст. 188 УК РФ, об определении предмета преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, о толковании признаков преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, о порядке применения ст. 199 УК РФ, об оценке опасности преступления, предусмотренного ст. 324 УК РФ, о толковании признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, и др.

Все они демонстрируют принципиальные различия в подходах Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, к решению вопроса о конституционности положений уголовного закона. Эта проблема практически не обсуждается в науке с использованием категории «противоречие». Объяснением может служить то обстоятельство, что как таковой позиции Верховного Суда РФ о конституционности уголовного закона, подлежащего применению, быть по определению не может. Верховный Суд РФ, как и любой иной суд общей юрисдикции, не наделен правом выявлять конституционный смысл законов. Однако, надо признать, что сам по себе факт применения уголовного закона в суде «по умолчанию» отражает отсутствие сомнений в его конституционности или, иными словами, уверенность в конституционности.

Противоречия в конституционно-правовой оценке положений уголовного закона между Конституционным Судом РФ и судами общей юрисдикции (включая Верховный Суд РФ), таким образом, могут мыслиться в качестве латентных до того момента, пока они не будут выявлены в конституционном судопроизводстве. Выявление и разрешение этих противоречий составляет важнейшее направле-

ние правовой политики в стране, отражает последовательное решение глобальной задачи конституционализации отрасли уголовного права.

Оценивая ситуацию в целом, надо сказать, что сам факт наличия противоречий между Конституционным и Верховным судами РФ в вопросах оценки конституционности положений уголовного закона является, в принципе, неизбежным и объективным явлением. К ним следует относиться, если можно так выразиться, «абсолютно спокойно», принимая во внимание наличие эффективного механизма разрешения самих противоречий и подчеркнутый в законе общеобязательный характер решений Конституционного Суда РФ.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в некоторых ситуациях решения Конституционного Суда РФ вторгаются в область, далекую от выявления конституционно-правового смысла уголовного законодательства. При этом соответствующие пассажи, будучи включенными в текст решения Конституционного Суда РФ, могут поставить судебную практику в тупик.

Так, Конституционный Суд РФ указывает, что ст. 212.1 УК РФ «подразумевает возможность назначения лицу наказания в виде лишения свободы лишь при том условии, что нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за собой утрату публичным мероприятием мирного характера... или причинение либо реальную угрозу причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям»¹⁴. При всей, казалось бы, логичности и разумности этого утверждения, нельзя не признать, что оно непосредственно не вытекает из текста уголовного закона, но существенным образом «связывает» суд в выборе меры уголовного наказания, предусматривая ограничения, не установленные ни самой ст. 212.1 УК РФ, ни нормами уголовного закона, устанавливающими правила назначения уголовного наказания.

В другом решении Конституционного Суда РФ косвенно, но вполне отчетливо дается оценка предписаниям ч. 2 ст. 24 УК РФ, устанавливающим порядок определения формы вины в преступлении. Конституционный Суд РФ признаёт, что поскольку в диспозиции соответствующих статей закона нет указа-

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности по-

ложений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

ния на совершение деяния по неосторожности, следовательно, предполагается, что оно может быть совершено только с умыслом¹⁵. В то же время Пленум Верховного Суда РФ придерживается иного толкования: «Исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи... форма вины не конкретизирована, то соответствующее... преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления»¹⁶.

Такие расхождения в толковании предписаний уголовного закона не могут благотворно отражаться на судебной практике и должны быть с необходимостью преодолены. Думается, что основным источником их возникновения – выход Конституционного Суда РФ за пределы компетенции и вторжение в область толкования, не связанного с выявлением конституционно-правового смысла УК РФ. Особенно сомнительны ситуации, когда мнение Конституционного Суда РФ формулируется как бы «мимоходом», без погружения в тему, и не является итогом специального разбирательства (как это имеет место в ситуации с пониманием ч. 2 ст. 24 УК РФ). А потому остается только напомнить о необходимости проявлять и соблюдать ту самую «сдержанность», о которой Конституционный Суд РФ постоянно упоминает в связи с обсуждением экспансионистских устремлений ЕСПЧ.

5. Противоречия между судами различных инстанций системы судов общей юрисдикции

Структура системы судов общей юрисдикции, если ее рассматривать в широком контексте, объективно такова, что включает в себя множество элементов, как соподчиненных в инстанционном порядке (суды первой, апелляционной, кассационной, надзорной инстанций), так и несоподчиненных (суды различных регионов страны, судебные коллегии в судах одного уровня, собственно судьи). Это обстоятельство, с учетом принципа независимости судей, закономерно порождает возможность несовпадения подходов в оценке как фактических обстоя-

тельств дела, так и содержания уголовного законодательства в различных участках судебной системы. Это «несовпадение» представляет собой весьма интересный и сложный предмет анализа, который, как представляется, в полной мере еще не осмыслен в науке. Между тем его исследование имеет особое значение, обнажая проблему обеспечения единства судебной практики, понимания такого конституционно значимого феномена, как «сложившаяся судебная практика», выявления в ней противоречий.

Конституционный Суд РФ в одном из своих решений указал, что «для признания наличия сложившейся правоприменительной практики абсолютного единства правовых позиций правоприменителей не требуется»¹⁷. Тем самым презюмируется, что в практике не только возможна, а по-видимому, даже неизбежна определенная вариативность. Некоторыми авторами она мыслится порой и в качестве желательной, поскольку «рациональный и упорядоченный конфликт в рамках верховенства закона – это здоровый признак» [21, р. 29]. С другой стороны, одной из важнейших задач Верховного Суда РФ выступают разъяснения по вопросам судебной практики «в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации».

Грань между допустимой вариативностью и единством судебной практики, с одной стороны, и недопустимыми различиями в применении уголовного законодательства в рамках единой судебной системы, – с другой, представляет собой отдельное и важное направление анализа судебной политики, которое должно быть осмыслено с позиций категории «противоречие».

Приступая к ее анализу, надо сразу оговорить, что концепт «противоречие» может быть применим только к тем различающимся подходам судов к решению уголовных дел, которые не выходят за пределы режима законности. В этой связи важно отличать противоречия от ошибок судебной практики. Противоречия возникают там и тогда, где и когда, правильно установив фактические обстоятельства дела, суды расходятся в выборе правовой нормы,

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других».

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны

окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ 12 октября 1998 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”».

подлежащей применению, притом что любой этот выбор может быть объяснен и мотивирован.

Причины таких расхождений могут быть различными, и это также надо учитывать при анализе противоречий судебной практики.

Во-первых, имеют место ситуации, когда повод к противоречивой практике создают противоречия собственно самого уголовного закона.

Например, п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ определяет, что лица, осужденные за преступления, совершённые по неосторожности, отбывают наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении. Одновременно п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ устанавливает, что мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, отбывание лишения свободы назначается в исправительной колонии общего режима. Это различие совершенно однозначно воспринималось практикой до 2019 г., пока категорию тяжких преступлений образовывали исключительно умышленные деяния. Однако в 2019 г. в ч. 3 ст. 15 УК РФ были внесены изменения, и в категорию тяжких, среди прочего, были включены некоторые преступления, совершаемые по неосторожности. Это породило неоднозначные подходы в толковании указанных норм в части определения места отбывания лишения свободы мужчинами, осужденными за тяжкие неосторожные преступления. Часть судов в решении этого вопроса опирается на положения п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, в то время как иные суды – на предписания п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ.

Пример из этой же области – соотношение общей нормы о пособничестве (ч. 5 ст. 33 УК РФ) и специальной нормы об ответственности за пособничество в преступлениях террористического характера (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ). Если привлечение к ответственности за пособничество как проявление соучастия с необходимостью требует наличия исполнителя преступления в силу акцессорных начал института соучастия, то в отношении пособничества как самостоятельного преступления этот вопрос не имеет нормативного решения. На вопрос о том, требуется ли наличие исполнителя преступления террористического характера для того, чтобы привлечь пособника

к ответственности по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, суды могут давать противоречивые ответы. Некоторые полагают, что в силу единства Общей и Особенной частей УК РФ требование акцессорности распространяется и на пособника в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, тогда как другие, исходя из того, что самостоятельная криминализация пособничества «вывела» его за рамки института соучастия, предполагают, что для привлечения к ответственности по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ не требуется непосредственно самого факта преступления террористического характера и наличия его исполнителя.

Каждое решение в изложенных ситуациях опирается на соответствующие нормы закона и аргументировано ими. Однако в общем массиве судебной практики это порождает видимые противоречия.

Во-вторых, противоречия в судебной практике могут порождаться «ординарными» нормами, которые сами по себе не находятся в состоянии противоречия, но порождают неоднозначное толкование, что приводит к противоречивой судебной практике.

Судебная практика полна таких примеров. В качестве наиболее известного и яркого можно вспомнить уголовно-правовую квалификацию убийства лица, находящегося в состоянии сна. Как известно, в одном случае высшая судебная инстанция признала правильной квалификацию убийства спящего потерпевшего по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии¹⁸, в другом случае – нет¹⁹. Другой пример – квалификации действий «общего субъекта», который совместно с лицом, обладающим специальными признаками субъекта, выполняет объективную сторону преступления со специальным субъектом: в некоторых случаях суды квалифицируют действия таких лиц как пособничество в преступлениях со специальным субъектом, в других – как исполнение «общего уголовного» преступления без учета признаков специального субъекта²⁰.

Эти противоречия, порожденные качеством уголовного законодательства и не связанные с ним, определяют состояние текущей судебной практики, формируя различные подходы, которые очевидно находятся в состоянии противоречия, причем противоречия нежелательного, влияющего на общий ре-

¹⁸ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ № 75-097-19 по делу Ревина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 12.

¹⁹ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Быченкова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 8.

²⁰ Обзор судебной практики Военной коллегии Верховного Суда РФ по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершенных военнослужащими: от 1 марта 2002 г. // СПС «КонсультантПлюс».

жим законности и соблюдение единого стандарта прав человека. Понятно, что они должны быть исключены.

Механизм их разрешения включает не только изменение закона. Это самый очевидный и, при всей сложности, самый простой способ. Не менее, а возможно, и более значимый способ – использование возможностей самой судебной системы. Как уже отмечалось, именно Верховный Суд РФ, изучая и обобщая судебную практику, разрабатывает общеобязательные рекомендации по применению уголовного закона, которые призваны унифицировать судебную практику, устранить противоречия внутри нее и привести правоприменение к единообразию. Эти рекомендации внедряются, в первую очередь, посредством постановлений Пленума Верховного Суда РФ, последовательное и общеобязательное применение которых устраняет из практики противоречия. Но в определенной части случаев унификация практики достигается без использования возможностей постановлений Пленума, более «мягким» способом, посредством последовательной практики проверки и корректировки судебных решений, а также публикации обзоров судебной практики, содержащей верные, по мнению высшей судебной инстанции, образцы применения закона, в том числе и постановления Президиума Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам. Напомним, что особый статус постановлений Пленума Верховного Суда РФ и постановлений Президиума Верховного Суда РФ в правовой системе страны признан Конституционным Судом РФ, который подчеркнул и официальный, и общеобязательный характер этих документов²¹.

Позиция Верховного Суда РФ, которая, по сути, являет собой официальный выбор одного из возможных толкований уголовного закона, формулируется, разумеется, не произвольно, но вырабатывается на основе определенного консенсуса с применением принципов и технологий коммуникативного понимания права [22; 23, с. 258].

Подход, который признаётся высшей судебной инстанцией верным, постепенно вытесняет все остальные, которые отныне признаются проявлением ошибочного применения закона. Это не означает, что подход Верховного Суда РФ остается неиз-

менным. Он может со временем корректироваться. Но в тех ситуациях, когда подход суда к оценке того или иного преступления меняется во времени, противоречие не выглядит явным. А сами изменения воспринимаются уже не столько как противоречия, сколько как проявление динамики судебной практики [24].

Обеспечение единства судебной практики на основе толкования уголовного закона, которое вырабатывается Верховным Судом РФ, с необходимостью ставит большой теоретический вопрос о придании такому толкованию статуса судебного прецедента. Этот статус предполагает, как известно, во-первых, обязанность всех нижестоящих судов следовать правилам, установленным в решении Верховного Суда РФ, и, во-вторых, наделение этого решения свойством источника уголовного права. Аргументы в пользу и против внедрения судебных прецедентов в отечественную правоприменительную практику хорошо известны, и мы не станем углубляться в дискуссию по этому поводу. Констатируем лишь как данность: что бы ни писали специалисты по уголовному праву в научной литературе, практика правоприменения реально такова, что все суды следуют или, по меньшей мере, стремятся следовать толкованию закона, установленному высшей судебной инстанцией. Это естественный и, по-видимому, неизбежный и необходимый процесс унификации правоприменения, сохранения единства правового пространства и единых стандартов прав человека, в частности в сфере уголовно-правовых отношений. Это вполне надежный механизм преодоления и профилактики противоречий внутри судебной системы по вопросам, связанным с применением уголовного закона. Более того, чем выше степень признания и обязательности решений высшей судебной инстанции, тем менее противоречивой будет судебная практика.

Вместе с тем есть некоторые обстоятельства, которые заставляют вернуться к обсуждению вопроса о единстве и противоречиях в судебной практике даже в ситуации признания прецедентного и общеобязательного характера решений Верховного Суда РФ. Речь идет о необходимости прогнозирования и моделирования материально-правовых последствий состоявшейся в стране реформы судеб-

²¹ См. постановления Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2013 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука», от 17 октября 2017 г. № 24-П «По

делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других».

ной системы в части образования апелляционных и кассационных судов.

Их создание преследовало не только очевидную цель максимального обеспечения независимости и самостоятельности судей при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений, но и неявную цель оптимизации и перераспределения судебной нагрузки. По итогам реформирования можно констатировать, во-первых, что часть прежней нагрузки высшей судебной инстанции была «передана» на уровень кассационных судов и, во-вторых, что дистанция между судом первой инстанции и Верховным Судом РФ существенно увеличилась. Прогнозируемым следствием этих изменений можно считать то обстоятельство, что объем конкретных уголовных дел, по которым Верховный Суд РФ будет высказывать свою позицию, существенно уменьшится. Это, в свою очередь, актуализирует и возвысит роль решений, которые выносят кассационные и апелляционные суды. Факт «формирования практики» в кассационных или апелляционных округах нельзя ни отрицать, ни недооценивать, более того, такая практика должна быть признана сегодня вполне самостоятельным предметом научного анализа.

В отсутствие по объективным причинам официально озвученной позиции Верховного Суда РФ по тому или иному вопросу толкования или применения уголовного закона, наличие выраженной позиции кассационных или апелляционных судов может стать «точкой притяжения» для иных нижестоящих судов. Это, в свою очередь, может породить существенные вопросы, во-первых, с признанием обязательности «прецедентов» кассационных и апелляционных судов для нижестоящих судов соответствующего округа, во-вторых, с возможностью судов, расположенных за пределами этого округа, следовать таким решениям, в-третьих, с неисключенным расхождением в толковании закона между кассационными и апелляционными судами различных округов.

Исключительно с теоретической точки зрения эти вопросы могут показаться надуманными. Все суды применяют один и тот же уголовный закон (его текст не различается в судебных округах), работают по одним и тем же процессуальным правилам, руководствуются одними и теми же позициями Верховного Суда РФ. Это, в идеале, должно исключать любые возможные расхождения в толковании и оценке уголовно-правовых норм. Однако это только теория. Практика всегда богаче и непредсказуемей, а расхождения в оценках закона и возникающие в связи с этим противоречия в судебной практике – вполне прогно-

зируемы, в том числе по причине того, что любой суд – это прежде всего судьи, конкретные люди со своим восприятием идеалов права и справедливости.

В этом случае обеспечение единства судебной практики и устранение региональных различий в толковании и применении закона может осуществляться не только посредством «вмешательства» (кстати, процессуально весьма ограниченного) со стороны Верховного Суда РФ, но и потребовать развития новых процедур и методик. В сравнительном аспекте ситуация, близкая по существу к поставленной, возникает, к примеру, в США, когда суд штата рассматривает дело о применении федерального законодательства в отсутствие устоявшихся прецедентов высшей судебной инстанции, но при наличии соответствующих решений в апелляционном суде или в иных судах штата. Специальные исследования показывают, что здесь имеют место как минимум четыре основных подхода: 1) отказ в признании такого решения обязательным и восприятие его не более как «убедительного авторитета»; 2) возможное, но не обязательное следование прецеденту суда апелляционного округа, где находится штат, в интересах развития гармоничных отношений между судами; 3) признание того, что суд связан решениями аналогичных ему судов, но только тогда, когда эти решения «многочисленны и последовательны»; 4) восприятие интерпретации федерального закона, которое дают апелляционные суды, как обязательной, хотя бы по причине административного удобства [25, р. 934–936]. Понятно, что эти подходы, «выращенные» в иной правовой системе, с иной конфигурацией судов и полномочиями субъектов федерации, не могут быть слепо перенесены на отечественную почву. Однако их наличие и широкое обсуждение в литературе [26–28] не может не учитываться при рассмотрении темы. Заметим, кстати, что, погружаясь в тему формирования судебной практики в отсутствие прецедентов высшей судебной инстанции, некоторые авторы подчеркивают преимущества четвертого из описанных подходов, основанного на доктрине *lockstep* (букв. «идти в ногу»). Восприятие и следование практике судов промежуточного уровня судебной иерархии, по их мнению, не только повысит согласованность, предсказуемость и, в конечном счете, единообразие практики применения федерального законодательства, но будет способствовать тому, что региональные суды внесут свой вклад в формирование позиции собственно высшей судебной инстанции [25, р. 945]. Такой подход, кроме прочего, будет способствовать также мини-

мизации споров и тяжб, связанных с определением подсудности уголовных дел, если практика их рассмотрения в судах, входящих в различные апелляционные или кассационные округа, расходится [21; 29].

6. Заключение

Противоречия судебно-уголовной политики, с учетом строения самой судебной системы, могут быть представлены отношениями: а) между национальными и международными судебными инстанциями; б) между высшими судами национальной системы права; в) между судами различных инстанций системы судов общей юрисдикции. В основе возникающих противоречий лежат различные обстоятельства, как связанные с несовершенством законодательства, так и не связанные с этим фактором. В последнем случае речь идет о проблемах, вытекающих из иерархии судов, установления пределов их компетенции и полномочий, а также принципа незави-

симости судей как фундаментальной основы функционирования судебной системы.

В силу специфики судебной власти в разрешении возникающих противоречий не могут быть применены авторитарные дисциплинарные меры. Такие противоречия должны преодолеваются посредством механизма, включающего два основных блока: во-первых, четкое, не допускающее разночтений установление пределов компетенции судов различных видов (прежде всего международного и конституционного, конституционного и суда общей юрисдикции, суда общей юрисдикции и арбитражного суда); во-вторых, готовность к компромиссам и договоренностям, целью которых должна стать эффективная защита прав человека как правового блага, определяющего функциональную заданность всех судов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жалинский А. Э. Уголовная политология: становление и развитие / А. Э. Жалинский // Право и политика. – 2010. – № 5. – С. 826–834.
2. Лопашенко Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.
3. Побегайло Э. Ф. Концептуальные основы современной российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Российский криминологический взгляд. – 2015. – № 1. – С. 279–284.
4. Иванюшко Д. В. Актуальные проблемы взаимоотношений Прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ / Д. В. Иванюшко // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 3. – С. 201–209.
5. Klug F. Follow or Lead? The Human Rights Act and the European Court of Human Rights / F. Klug, H. Wildbore // European Human Rights Law Review. – 2010. – Vol. 6. – P. 621–630.
6. Donald A. The UK and the European Court of Human Rights : Equality and Human Rights Commission Research report 83 / A. Donald, J. Gordon, P. H. Leach. – Equality and Human Rights Commission, 2012. – 219 p.
7. Калининченко П. А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного Суда РФ / П. А. Калининченко // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 2 (63). – С. 42–48. – DOI: 10.17803/1994-1471.2016.63.2.042-048.
8. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах разрешения коллизий между Конституцией РФ и решениями Европейского Суда по правам человека / М. Ю. Осипов // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 2 (63). – С. 55–60. – DOI: 10.17803/1994-1471.2016.63.2.055-060.
9. Будаев К. А. О некоторых разногласиях Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации по защите прав и свобод граждан России: пути их разрешения / К. А. Будаев // Lex Russica. – 2017. – № 12 (133). – С. 95–109. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.133.12.095-109.
10. Haket S. The Danish Supreme Court's Ajos judgment (Dansk Industri): Rejecting a Consistent Interpretation and Challenging the Effect of a General Principle of EU Law in the Danish Legal Order / S. Haket // Review of European Administrative Law. – 2017. – Vol. 10. – № 1. – P. 135–151. – DOI: 10.7590/187479817X14945955772000.
11. Kelemen D. On the Unsustainability of Constitutional Pluralism: European Supremacy and the Survival of the Eurozone / D. Kelemen // Maastricht journal of European and comparative law. – 2016. – Vol. 23, № 1. – P. 136–150. – DOI: 10.1177/1023263X1602300108.
12. Fabbrini F. After the OMT Case: The Supremacy of EU Law as the Guarantee of the Equality of the Member States / F. Fabbrini // German Law Journal. – 2015. – Vol. 16, № 4. – P. 1003–1023. DOI: 10.1017/S2071832200019970.
13. Loughlin M. Constitutional pluralism: An oxymoron? / M. Loughlin // Global Constitutionalism. – 2014. – Vol. 3, № 1. – P. 9–30. – DOI: 10.1017/S2045381713000166.

14. Maccormick N. The Maastricht-Urteil: Sovereignty Now / N. Maccormick // *European Law Journal*. – 1999. – Vol. 1. – P. 259–266. – DOI: 10.1111/J.1468-0386.1995.TB00031.X.
15. Walker N. The Idea of Constitutional Pluralism / N. Walker // *Modern Law Review*. – 2002. – Vol. 65. – P. 317–356. – DOI: 10.1111/1468-2230.00383.
16. Bobić A. Constitutional Pluralism Is Not Dead: An Analysis of Interactions Between Constitutional Courts of Member States and the European Court of Justice / A. Bobić // *German Law Journal*. – 2017. – Vol. 18. – № 06. – P. 1395–1428. – DOI: 10.1017/S2071832200022380.
17. Скобликов П. А. Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение / П. А. Скобликов // *Журнал российского права*. – 2009. – № 2. – С. 69–82.
18. Колоколов Н. А. Преюдиция. Преступления в сфере экономики: факты одни, а их оценки у судов общей юрисдикции и арбитражных судов разные / Н. А. Колоколов // *Юрист*. – 2009. – № 6. – С. 52–66.
19. Чашина И. Преюдициальное значение для уголовного дела обстоятельств, установленных решением арбитражного суда / И. Чашина // *Уголовное право*. – 2011. – № 2. – С. 103–106.
20. Прошляков А. Д. Пределы преюдициальной силы решений по уголовным делам при предъявлении виндикационных исков / А. Д. Прошляков, А. В. Казакова // *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. – 2018. – № 6. – С. 16–22. – URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1379>.
21. Moore J. Wm. Conflict of Jurisdiction / J. Wm. Moore // *Louisiana Law Review*. – 1962. – Vol. 23, № 1. – P. 29–40. – URL: <https://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol23/iss1/6/>.
22. Пудовочкин Ю. Е. К вопросу о возможностях коммуникативного понимания уголовного права / Ю. Е. Пудовочкин // *Современные проблемы уголовной политики : материалы V Междунар. науч.-практ. конф.* – Краснодар : КруМВД России, 2014. – Т. I. – С. 185–190.
23. Яни П. С. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда / П. С. Яни // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2008. – № 1. – С. 258–259.
24. Бабаев М. М. Динамизм и стабильность судебной практики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // *Журнал российского права*. – 2019. – № 7. – С. 56–64. – DOI: 10.12737/jrl.2019.7.5.
25. Hale M. J. Federal Questions, State Courts, and the Lockstep Doctrine / M. J. Hale // *Case Western Reserve Law Review*. – 2016. – Vol. 57, № 4. – P. 927–953. – URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/caselrev/vol57/iss4/13>.
26. Peterkort C. F. Comment: The Conflict between State and Federal Constitutionality Guaranteed Rights: A Problem of the Independent Interpretation of State Constitutions / C. F. Peterkort // *Case Western Reserve Law Review*. – 1981. – Vol. 32, № 1. – P. 158–186. – URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/caselrev/vol32/iss1/11>.
27. Bellia A. J. State Courts and the Interpretation of Federal Statutes / A. J. Bellia // *Vanderbilt Law Review*. – 2006. – Vol. 59, № 5. – P. 1501–1558. – URL: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/429.
28. Anderson J. C. The Mysterious Lockstep Doctrine and the Future of Judicial Federalism in Illinois / J. C. Anderson // *Loyola University Chicago Law Journal*. – 2013. – Vol. 44, № 4. – P. 965–1018. – URL: <http://lawcommons.luc.edu/luc/lj/vol44/iss4/2>.
29. Marcus R.L. Conflicts Among Circuits and Transfers Within the Federal Judicial System / R.L. Marcus // *The Yale Law Journal*. – 1984. – Vol. 93. – P. 677–721. – DOI: 10.2307/796296.

REFERENCES

1. Zhalinskiy A.E. Criminal political science: formation and development. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2010, no. 5, pp. 826–834. (In Russ.).
2. Lopashenko N.A. *Criminal policy*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2009. 608 p. (In Russ.).
3. Pobegajlo E.F. Fundamental Bases of the Modern Russia Criminal Politics. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2015, no. 1, pp. 279–284. (In Russ.).
4. Ivanyushko D.V. The Urgent Problems of the Relations Between the Prosecutors's Office and the Investigator's Committee of Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2011, no. 3, pp. 201–209. (In Russ.).
5. Klug F., Wildbore H. Follow or Lead? The Human Rights Act and the European Court of Human Rights. *European Human Rights Law Review*, 2010, vol. 6, pp. 621–630.

6. Donald A., Gordon J., Leach P.H. *The UK and the European Court of Human Rights*, Equality and Human Rights Commission Research report 83. Equality and Human Rights Commission Publ., 2012. 219 p.
7. Kalinichenko P.A. On Conflicts Between the ECHR Judgments and the Constitution of Russia in the Light of the Russian Constitutional Court's Legal Position. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2016, no. 2 (63), pp. 42–48. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.63.2.042-048. (In Russ.).
8. Osipov M.Yu. On Some Problems of Resolving "Conflicts" Between the Provisions of the Constitution of the RF and Decisions of the European Court of Human Rights. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2016, no. 2 (63), pp. 55–60. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.63.2.055-060. (In Russ.).
9. Budayev K.A. On Some Disagreements Between the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation Concerning the Protection of Rights and Freedoms of Russian Citizens and the Ways to Resolve Them. *Lex Russica*, 2017, no. 12 (133), pp. 95–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.133.12.095-109. (In Russ.).
10. Haket S. The Danish Supreme Court's Ajos judgment (Dansk Industri): Rejecting a Consistent Interpretation and Challenging the Effect of a General Principle of EU Law in the Danish Legal Order. *Review of European Administrative Law*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 135–151. DOI: 10.7590/187479817X14945955772000.
11. Kelemen D. On the Unsustainability of Constitutional Pluralism: European Supremacy and the Survival of the Eurozone. *Maastricht journal of European and comparative law*, 2016, vol. 23, no. 1, pp. 136–150. DOI: 10.1177/1023263X1602300108.
12. Fabbrini F. After the OMT Case: The Supremacy of EU Law as the Guarantee of the Equality of the Member States. *German Law Journal*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 1003–1023. DOI: 10.1017/S2071832200019970.
13. Loughlin M. Constitutional pluralism: An oxymoron? *Global Constitutionalism*, 2014, vol. 3, no. 1, pp. 9–30. DOI: 10.1017/S2045381713000166.
14. McCormick N. The Maastricht-Urteil: Sovereignty Now. *European Law Journal*, 1999, vol. 1, pp. 259–266. DOI: 10.1111/J.1468-0386.1995.TB00031.X.
15. Walker N. The Idea of Constitutional Pluralism. *Modern Law Review*, 2002, vol. 65, pp. 317–356. DOI: 10.1111/1468-2230.00383.
16. Bobić A. Constitutional Pluralism Is Not Dead: An Analysis of Interactions Between Constitutional Courts of Member States and the European Court of Justice. *German Law Journal*, 2017, vol. 18, no. 06, pp. 1395–1428. DOI: 10.1017/S2071832200022380.
17. Skoblikov P.A. Res judicata of arbitration courts' acts in criminal proceedings: new reading. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 2, pp. 69–82. (In Russ.).
18. Kolokolov N.A. Res judicata. Crimes in the economic sphere: facts are the same, but their assessments by courts of general jurisdiction and arbitration courts are different. *Yurist = Lawyer*, 2009, no. 6, pp. 52–66. (In Russ.).
19. Chashchina I. The Prejudicial Meaning of Facts Substantiated by a Decision of the Court of Arbitration for a Criminal Case. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2011, no. 2, pp. 103–106. (In Russ.).
20. Proshlyakov A.D., Kazakova A.V. The Limits of the Prejudicial Force of Decisions on Criminal Cases Upon Presentation of Vindication Suits. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu = Electronic supplement to "Russian Juridical Journal"*, 2018, no. 6, pp. 16–22, available at: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1379>. (In Russ.).
21. Moore J.Wm. Conflict of Jurisdiction. *Louisiana Law Review*, 1962, vol. 23, no. 1, pp. 29–40, available at: URL: <https://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol23/iss1/6/>.
22. Pudovochkin Yu.E. To the question of the possibilities of communicative understanding of criminal law, in: *Sovremennye problemy ugolovnoi politiki*, proceeding of 5th International scientific and practical conference, vol. I, Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2014, pp. 185–190. (In Russ.).
23. Yani P.S. Elimination of gaps in criminal law regulation by decisions of the Supreme Court. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2008, no. 1, pp. 258–259. (In Russ.).
24. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Dynamism and stability of judicial practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 7, pp. 56–64. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.5. (In Russ.).
25. Hale M.J. Federal Questions, State Courts, and the Lockstep Doctrine. *Case Western Reserve Law Review*, 2016, vol. 57, no. 4, pp. 927–953, available at: <https://scholarlycommons.law.case.edu/caselrev/vol57/iss4/13>.

26. Peterkort C.F. Comment: The Conflict between State and Federal Constitutionality Guaranteed Rights: A Problem of the Independent Interpretation of State Constitutions. *Case Western Reserve Law Review*, 1981, vol. 32, no. 1, pp. 158–186, available at: <https://scholarlycommons.law.case.edu/caselrev/vol32/iss1/11>.

27. Bellia A.J. State Courts and the Interpretation of Federal Statutes. *Vanderbilt Law Review*, 2006, vol. 59, no. 5, pp. 1501–1558, available at: https://scholarship.law.nd.edu/law_faculty_scholarship/429.

28. Anderson J.C. The Mysterious Lockstep Doctrine and the Future of Judicial Federalism in Illinois. *Loyola University Chicago Law Journal*, 2013, vol. 44, no. 4, pp. 965–1018, available at: <http://lawcommons.luc.edu/luc-lj/vol44/iss4/2>.

29. Marcus R.L. Conflicts Among Circuits and Transfers Within the Federal Judicial System. *The Yale Law Journal*, 1984, vol. 93, pp. 677–721. DOI: 10.2307/796296.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пудовочкин Юрий Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник – руководитель направления уголовно-правовых исследований Центра исследований проблем правосудия

Российский государственный университет правосудия

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушkinsкая, 69

E-mail: 11081975@list.ru

SPIN-код РИНЦ: 5775-0242; AuthorID: 416470

ORCID: 0000-0003-1100-9310

Бабаев Михаил Матвеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник направления уголовно-правовых исследований Центра исследований проблем правосудия

Российский государственный университет правосудия

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушkinsкая, 69

E-mail: babaevmm@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 4238-1889; AuthorID: 77172

ORCID: 0000-0003-1656-2529

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пудовочкин Ю.Е. Противоречия судебно-уголовной политики / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 174–190. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).174-190.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Yury E. Pudovochkin – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher – Head, Department of Criminal Law Research, Center for the Study of Justice Problems

Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russia

E-mail: 11081975@list.ru

RSCI SPIN-code: 5775-0242; AuthorID: 416470

ORCID: 0000-0003-1100-9310

Mikhail M. Babayev – Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, Department of Criminal Law Research, Center for the Study of Justice Problems

Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russia

E-mail: babaevmm@yandex.ru

RSCI SPIN-code: 4238-1889; AuthorID: 77172

ORCID: 0000-0003-1656-2529

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pudovochkin Yu.E., Babayev M.M. Contradictions of judicial criminal policy. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 174–190. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).174-190. (In Russ.).